

УДК 111.6; 171

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Кравченко В. В.*Московский авиационный институт**(Национальный исследовательский университет)**125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение фундаментальных оснований социальных трансформаций, которые связаны с социокультурной деятельностью субъектов культуры, реализующих базовый социокод. Основное внимание уделено актуальным проблемам новоевропейского социокода, в котором исходной коллизией его выявления оказываются противоречия между жесткими формами абстрактно-понятийных представлений об обществе («идеологиями») и идеопрактиками как индивидуальными способами социального выживания отдельных социально-культурных субъектов. Автор, развивая собственные идеи об идеопрактике, представленные в своих предшествующих работах, доказывает, что социальные трансформации возникают в первую очередь как накопление неизбежных «отклонений» реальных идеопрактик, базирующихся на чувствах и переживаниях индивида, от навязываемых идеологиями абстрактных схем, норм, автоматизмов и т. п. Кроме того, слом целого ряда идеологий во второй половине XX в. воздействовал на «мутацию» социокода, а, следовательно, вызвал серьезные корректировки известных идеопрактик и появление новых социальных трансформаций. Автору удалось обновить проблематику формирования и роли социальных трансформаций, показав ключевое значение идеопрактик в их взаимодействиях как с идеологиями, так и с базовыми социокодами современного общества.

Ключевые слова: социальная трансформация, социокод, идеопрактика, идеология, субъект культуры.

CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL BASES OF SOCIAL TRANSFORMATIONS

V. Kravchenko*Moscow Aviation Institute (National Research University)**4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article considers the fundamental bases of social transformations connected with socio-cultural activity of the subject of culture realizing basic socio-code. The main focus of the article is on current problems of the new European socio-code in which contradictions between rigid forms of abstract and conceptual ideas of society («ideologies») and ideopractice as individual ways of social surviving of different socio-cultural subjects is the initial collision of its identification.

Developing her own ideas of ideopractice the author of the article argues that social transforma-

tion arise, first of all, as accumulation of inevitable «deviation» of real ideopractices based on feelings and experience of the individual from ideologically imposed abstract schemes, norms and mechanisms. Besides, the ruin of a number of ideologies in the second half of the 20th century triggered «mutation» of socio-code and consequently caused serious adjustments in the known ideopractices and emergence of new social transformations.

The author succeeded in renewing the agenda of the origin and role of social transformations by having shown the key value of ideopractices in their interactions both with ideologies and basic socio-codes of modern society.

Keywords: social transformation, socio-code, ideopractice, ideology, subject of culture.

В рамках современных научных традиций междисциплинарного синтеза социальную жизнь можно рассматривать по аналогии с биологической, как конкретную реализацию определённого «социокода» (аналога генетического кода). По определению М. К. Петрова, социокод интегрирует знаковые системы культуры, составляет механизм регламентации её содержания и развития исторически сложившегося культурного типа [9]. Социокод является базовой знаковой реальией бытующей культуры, удерживающей её в целостности, обеспечивая её традирование и формирование институтов общения. Социокод трактуется как «свёрнутая» модель общения, общезначимый регулятор деятельности, механизм трансляции ценностей. Это устойчивое ядро цивилизации и «переведенный в общественное достояние продукт деятельности», способ существования «социально-генетической» памяти, наследующей культурно-эволюционные механизмы.

М. К. Петров выявил три основных социокода: архаический, традиционный и новоевропейский. Особенностью новоевропейского социокода является рациональность, абстрактно-понятийное представление о социальной жизни, что связано с формированием и крушением идеологий. Это

рассматривалось нами в предыдущих работах [4; 5].

Относительно идеологий, благодаря им или им в противовес, в новоевропейской цивилизации сформировалось то, что мы назвали идеопрактикой. Рассмотрение соотношения идеологий и идеопрактик позволяет в новейшей истории, с нашей точки зрения, выявить социокультурные истоки и основания современных социальных трансформаций.

Философы, религиоведы, культурологи и политологи до сих пор ориентированы на создание обобщающих и так или иначе навязываемых обществу картин мира, универсальных «идеологий», призванных сплотить и направить общество по тому или иному пути.

Идеопрактика – это социальная характеристика индивида, его собственной активности. Однако, исходя из реального потенциала самосовершенствования, применения инноваций в условиях существующего многообразия культурно-антропологического наследия, деятельности как данного социокультурного индивида, так и целого ряда социальных групп, идеопрактика объективно ведёт к постепенному изменению социокода данной общности в политической, социальной, художественной, научной и других областях.

Идеология есть воплощение идеала и стремление верхов «направлять, учить и корректировать», в конце концов, «загонять в счастье». Идеологи не сомневаются в том, что можно жить только по путям, ими предначертанным. Не удивительно, что общеобязательная идеология не могла добиться абсолютного единомыслия и социального действия. Неизбежно возникали отдельные личности и некие сообщества, для которых существовал комплекс самоочевидных и базовых для них истин, выпадающих за рамки жёстких навязываемых социальных программ, в которых каждому «винтику» определено своё место.

Догматические идеологии в ретроспективе позволяют более чётко выявить механизм их социальной энтропии, увидеть способы социального выживания реальных людей, оказавшихся в условиях идеологического давления. Очевидно, что политизация идеологии обрекает её на «элитарность», постепенно превращает в профессиональное занятие власть предержащих или тех, кто претендует на власть. Хотя сегодня многие теоретики осознают не только политическое, но и другие измерения идеологии: социальное, художественное, религиозное и т. д. [3].

К началу XX в. для западных интеллектуалов стало очевидно, что идеологи не добиваются тех социальных результатов, на которые они рассчитывали. Увлечение целого ряда философов буддизмом, эзотерическими учениями (А. Койре, Р. Генон, К. Юнг) и прочими нетрадиционными для западного мышления направлениями, по существу, означало конец традиционной «отвлечённой» философии и уто-

пически-ориентированной идеологии. Именно восточные практики, реально соединявшие возвышенные идеи с обыденной деятельностью, поразили и покорили западных интеллектуалов и обывателей. К тому же нельзя забывать о мощном психотерапевтическом потенциале восточных духовных практик, что часто является главным стимулом их освоения в чрезвычайно нестабильном и стрессовом обществе.

Философы-экзистенциалисты в начале XX в. показали пример вполне эффективного «эскейпа» (бегства) от любых идеологических клеток – ухода в творчество [10], что не мешало большинству из них в социальной идеопрактике придерживаться коммунистической идеологии.

Как показывают исследования развития общества, процесс социализации человека не меняет категорически его природной, биологической структуры (или меняет очень медленно); социальность как бы надстраивается над природностью (видимо, не случайно этот образ надстройки возник у К. Маркса при формировании конструкции общественно-экономической формации). Социкокоды для большинства людей оказываются проявленными в социальной оболочке, «одежде», принятой «униформе» или «дресс-коде», помогающих существовать и общаться с себе подобными. Базовые социкокоды, например стили одежды (классика, офисный, спортивный), используются каждым социальным слоем по мере необходимости; при этом всегда есть предпочтительный для отдельного индивида, одновременно признаваемый в том или ином сообществе. Зачастую индивидуальной редукции подвергаются моральные аспекты социкокода,

которые дают возможность личности осуществлять элементарный выбор собственного поведения и способствуют её индивидуальному социальному «выживанию» [8]. Эстетические аспекты социокода оказываются удобной формой социальной мимикрии.

Схема идеологии нацелена на «производство» единообразных граждан с унифицированной моделью личности, отвечающей требованиям государственно-политического заказа. Рядовые члены общества могут выбрать один из нескольких путей выживания:

1) покорность и беспрекословное следование «инструкциям». Но даже в этом случае некоторые могут использовать предлагаемые лозунги и схемы для улучшения своего личного благосостояния (что с успехом делают бюрократы низшего и среднего звеньев; ведь они, преданно заглядывая в глаза начальникам, ощущают себя только слегка посвящёнными во власть или самым близким к населению «днищем» властной конструкции);

2) более или менее открытый протест, «диссидентство» (инакомыслие) как особая социальная деятельность, направленная на слом довлеющей идеологии;

3) создание собственного духовного пространства.

На Западе множество идеологий, философских и мировоззренческих систем к середине XX в. потерпели крах, необратимо оторвавшись от жизни обычных людей. «Диагноз» этому времени поставил в своей работе К. Манхейм: «Усталость от ответственности за неудачные выборы собственных стратегий, дихотомия страха потерять свободу и опять ошибиться в жизненной стратегии приводит человека

к «нулевому решению» предоставить свою судьбу случаю или попытаться найти какие-то духовные «основы», отправные точки своего индивидуального существования. А главное – это осознание своей внутренней усталости от схоластических, бессмысленных теорий, идеологий и доктрин, которые только обещают, но ничего практически не меняют к лучшему в обычной жизни» [7, с. 431].

По существу, социальные общности западных стран представляли собой целый спектр разнообразных национальных (традиционно-новоюропейских) социокодов, которые в середине XX в. могли быть вполне чётко определены (британский, французский, немецкий – на уровне Европы; европейский и американский – в более широком плане). Либеральная идеология приобрела уже к этому времени не столько утопический, сколько «метафизический» и отвлеченный характер вслед за абстрактностью западных философских систем. Примерно к 70 гг. XX в. происходит слом традиционно-новоюропейских социокодов в большинстве европейских стран, начинается процесс глобализации (именно тогда появляется сам термин и понимание глобализации как новой идеологии) [11, с. 71–78]. Необходимо было понять новую социальную реальность, не вписывающуюся ни в одну из известных систем. Слом традиционных рамок семьи, организации производства, быта, финансовых систем, межкультурных взаимодействий и т. д. происходил стремительно, однако в сущности своей новуюропейский социокод кардинально не менялся. Менялись идеопрактики, его оформлявшие в условиях унификации быта,

производства, политических и социальных программ.

На фоне глобализирующихся идеологий наиболее ярко проявилась «атомизация» внутри общества, возникла острая проблема одинокого человека Запада, затерянного в иллюзорных картинах мира; человека, не имеющего своей собственной жизненной программы, а главное – понимания того, на чем, как и ради чего она может быть устроена. Выяснилось, что современная цивилизация, давшая человеку огромный выбор жизненных стратегий, не вооружает его главным – критериями выбора в обычной жизни. Наиболее важными проблемами индивидуального существования и формирования индивидуальной «идеологии» стала проблема самоидентификации и мотивации [1, с. 167–169].

Социокод Запада, как система внебиологической передачи наработанных цивилизацией социально-необходимых форм деятельности, дал сбой, подвергаясь мутациям, редукциям и инверсиям, что стимулировало интеллектуалов к исследованиям, а обывателей полностью дезориентировало, естественным образом возвращая их в поисках выживания к традиционным или даже архаическим социокодам, которые всегда существуют в человеческой культуре.

Личность является совокупностью субъективного опыта индивида в «культуре-как-процессе», результатом выбора поведенческих моделей, моделей восприятия и чувствования, выработанных индивидом в процессе освоения культуры. Личностные конструкты локализуются в сознании, предсознании и подсознании, они могут иметь свои составляющие на всех

этих уровнях. Человеческие эмоции в сформулированной нами энергетической концепции культурного поля играют определяющую роль. «Культура, как особая среда человеческого существования, как социотворческий феномен, как результат духовно-материальной деятельности людей, формируется, существует и развивается, в первую очередь, за счет человеческих чувств и переживаний» [6, с. 119].

Для идеологии не существует уникальной личности; её лозунги адресованы безликим массам, призванным реализовать утопическую социальную программу. Идеология, в отличие от философии и религии, максимально далека от психологии. Осознавая это, некоторые современные идеологи используют психотехнологии в дополнение к обычной пропаганде. Поскольку социокод отражается в первую очередь в языке, в идеологических документах всегда много предельно абстрактных идеологических понятий, апеллирующих к универсальным чувствам.

В идеологически структурированных обществах живое и естественное развитие социокультурной среды контролируется, направляется и ограничивается социальной схемой, соответственно, сокращается разнообразие индивидуальных конструктов. Борьба с официальной идеологией, противостояние ей, скажем, у диссидентов предполагает создание не только новых конструктов мышления, но также иных идеопрактик: форм поведения и социального действия.

При крушении идеологии заново возрождаются или восстанавливаются свои функционирование те фрагменты «нормального» цивилизационного социокода, которые были подавлены или

серьезно нарушены бездушной идеологической «машиной». Человек ищет и воспринимает себя в рамках новых систем миропонимания, он осваивает новые для него идеи и представления о мире, об обществе, о себе.

Таким образом, идеологии и идеопрактики существуют относительно социокода более или менее «свободно», но, отходя от него всё дальше, они провоцируют вначале незначительные, а затем всё более существенные социальные трансформации, вызванные «мутациями» и инверсиями социокода. На фоне крушения и смены идеологий, имеющих зачастую не собственно социокультурные, а политические, экономические и структурно-управленческие причины, идеопрактики меняются особенно существенно, что и определяет очевидный и кардинальный характер социальных трансформаций.

Подчеркнём, что в социокультурном, культурно-антропологическом плане социальные трансформации происходят, начинаясь с неизбежных трансформаций идеопрактик. Во времена засилья определённой идеологии идеопрактики достаточно тесно связаны с социальными действиями, хотя и отличаются от них [2; 4]. В периоды социальных кризисов идеопрактики носят спонтанный характер, отражая индивидуальные социально-психологические механизмы выживания субъекта, лишь косвенно определяемые социокодом. Более того, в идеопрактиках в эти периоды реализуются наименее «привычные» и ожидаемые социально-культурные программы. К тому же кризис провоцирует пробуждение архаического и традиционного социокодов, их смешение с новоевропей-

ским, что в социокультурном плане создаёт непредсказуемую и сложную ситуацию совмещения и социального регулирования множества едва ли пересекающихся или сводимых воедино идеопрактик.

Возможно, учитывая тот факт, что работы М. К. Петрова были написаны ещё в середине XX в., талантливый учёный не мог предвидеть кардинальных социальных перемен и предугадать размывание новоевропейского социокода, которые начались уже в период существования СССР и противостояния капиталистической и социалистической идеологий. Возможное формирование особого «советского» социокода, на наш взгляд, могло бы быть рассмотрено в качестве специальной теоретической проблемы.

Но более актуальной на сегодняшний день является проблема складывания нового глобального типа социокода наряду с выделенными М. К. Петровым архаическим, традиционным и новоевропейским. В его основе лежат глубочайшие социокультурные и культурно-антропологические преобразования, связанные с результатами ряда научно-технических революций, компьютеризацией не только производственно-экономической сферы, но и обыденной жизни людей. Мощное развитие и ускоренное внедрение искусственного интеллекта, роботизации, новейших биологических и генных технологий и пр. – всё это определяет формирование небывалых связей и взаимодействий, а главное – появление новых индивидуальных идеопрактик. Именно они составляют «толщу» того «айсберга», находящегося «под поверхностью» социальной реальности, у которого со-

циальные трансформации выявляются только на видимой «вершине».

С этой точки зрения социальные трансформации оказываются показателями тех, по преимуществу, необратимых изменений, которые придают характерные черты современному человеческому обществу как целому, а также – отдельным социокультурным образованиям, которые, с одной стороны, испытывают влияние глобализирующих и унифицирующих тенденций, а с другой – выявляют уникальные национально-этнические и региональные черты. Понятно, что внутри подобных образований естественно формируются непредсказуемые идеопрактики на всех социальных «этажах». Даже географически близкие регионы, находящиеся примерно на одном уровне научно-технического развития, резко отличаются идеопрактиками и, соответственно, результирующими социальными трансформациями – Япония отличается от Сингапура, Китай от Кореи и т. д.

Но именно в новых идеопрактиках формируются те неизвестные ранее социальные трансформации, которые могут привести к очередной стабилизации социума. Можно говорить о самоорганизации социальной системы, можно о накоплении социально-психологической усталости социальных индивидов и групп, но суть в том, что в поисках новых идеопрактик всё большее количество людей ориентируется на известные или возобновлённые программы социокода, которые напрямую сегодня связаны с этническим менталитетом. Многие из них

обладают успокаивающим обществом характером. Так, уникальные примеры сочетания традиционного уклада с инновационной и даже прорывной научной деятельностью отличают знаменитые сообщества в Силиконовой долине, Сколково и т. п. Внутри этих социальных образований каждый учёный свободен в выборе тех или иных идеопрактик, которые позволяют ему наиболее эффективно строить карьеру. Сочетание идеопрактик в подобных кластерах оказывается чрезвычайно продуктивным для всего общества, в котором могут проявляться быстрые и непредсказуемые социальные трансформации.

Примеры несопоставимости этнокультурных идеопрактик и навязываемого западного «образа жизни» хорошо известны: общины северных народов, сохраняющих черты традиционного быта, племена аборигенов Австралии и т. п. Но также знакомы удручающие социально-демографические трансформации, по существу, довольно быстрый в историческом плане процесс физического вымирания целых народов.

Дальнейшее изучение проблем соотношения новых видов идеологий и идеопрактик, процесса формирования новых социокодов позволит выявить возможность естественного «движения навстречу» в разнообразных идеопрактиках, а в результате прогнозирование новых социальных трансформаций, которые так или иначе могут вывести отдельные социокультурные образования и глобальное общество из кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко Ю. С. Духовный мир молодого человека: российская модель трансформации. Ставрополь, 2010. 175 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. М., 1996. С. 455–491.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
4. Кравченко В. В. Идеопрактика и социальное действие: различия и взаимосвязь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 3. С. 29–32.
5. Кравченко В. В. От идеологии к идеопрактике: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 25–31.
6. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. М.: Аграф, 2017. 384 с.
7. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
8. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 118 с.
9. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука, 1991. 328 с.
10. Сартр Ж.-П. Трансценденция эго: набросок феноменологического описания. М.: Модерн, 2011. 160 с.
11. Хорина Г. П. Глобализация как идеология // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 71–78.

REFERENCES

1. Borisenko Yu.S. *Dukhovnyi mir molodogo cheloveka: rossiiskaya model' transformatsii* [The Spiritual World of a Young Man: Russian Model of Transformation]. Stavropol, 2010. 175 p.
2. Weber M. [Basic Sociological Concepts]. In: *Zapadnoevropeiskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov* [Western European Sociology of 19th - Early 20th Centuries]. M, 1996, pp. 455–491.
3. Zhizhek S. *Vozvysheynnyi obekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology]. Moscow, *Khudozhestvennyi zhurnal* Publ., 1999. 236 p.
4. Kravchenko V.V. [Ideopractice and social action: differences and interrelation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2013, no. 3, pp. 29–32.
5. Kravchenko V.V. [From ideology to ideopractice: socio-philosophical discourse in the age of pluralism]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2013, no. 2, pp. 25–31.
6. Kravchenko V.V. *Simfoniya chelovecheskoi kul'tury* [Symphony of Human Culture]. Moscow, *Agraf* Publ., 2017. 384 p.
7. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow, *Yurist* Publ., 1994. 693 p.
8. Miklyaeva A.V., Rumyantseva P.V. *Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya* [Social Identity: Content, Structure, Mechanisms of Formation]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ., 2008. 118 p.
9. Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, Sign, Culture]. Moscow, *Nauka* Publ., 1991. 328 p.

10. Sartre J.-P. *Transtsendentsiya ego: nabrosok fenomenologicheskogo opisaniya* [The Transcendence of the Ego: a Sketch of Phenomenological Description]. Moscow, *Modern Publ.*, 2011. 160 p.
  11. Khorina G.P. [Globalization as Ideology]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2005, no. 1, pp. 71–78.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Виктория Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (Национального исследовательского университета);
e-mail: vickra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Kravchenko – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Linguistics and Theory of Translation, Moscow Aviation Institute (National Research University);
e-mail: vickra@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Кравченко В. В. Культурно-антропологические основания социальных трансформаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. №1. С. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85

FOR CITATION

Kravchenko V.V. Cultural and Anthropological Bases of Social Transformations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no.1, pp. 77–85.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85